

УДК 330.84/.86(571)
ББК 65.02(253)53-2
DOI [10.17150/2308-2588.2016.17\(3\).551-577](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2016.17(3).551-577)

Л. Б. Красин

СУДЬБЫ КАПИТАЛИЗМА В СИБИРИ*

Аннотация. Переиздание статьи, опубликованной на страницах газеты «Восточное обозрение» находившимся в 1895–1897 гг. в ссылке в Иркутске участником социал-демократического движения Леонидом Борисовичем Красиным (1870–1926). Посвященная перспективам развития в Сибири капитализма, статья вызвала интересную — хотя и непродолжительную — полемику с народниками, печатным органом которых фактически выступала газета.

Ключевые слова. «Восточное обозрение», Л. Б. Красин, марксисты, народники, И. И. Попов, судьбы капитализма в Сибири.

L. B. Krasin

THE FATE OF CAPITALISM IN SIBERIA

Abstract. Re-edition of the issued in «Eastern survey» by L. B. Krasin (1870–1926), a member of social-democratic movement that was in exile in Irkutsk in 1895–1897.

* Печатается по изданию: Судьбы капитализма в Сибири // Восточное обозрение. 1896. 13 окт. (№ 121); 16 окт. (№ 122); 18 окт. (№ 123). Подпись: Л. Б. Кр-н.

За последнее время литература очень много занимается вопросами об исторической роли капитализма, о грядущих судьбах его вообще, и в России в частности, об отношении сознательных общественных деятелей к его росту и его захватам. Настоящая статья затрагивает некоторые из этих вопросов на почве экономических отношений в Сибири. Автор, по-видимому, является сторонником взглядов в капитализм, формулированных в литературных произведениях Бельтоваⁱ и Струвеⁱⁱ, с которыми мы не можем согласиться. Тем не менее печатаем статью в виду важности вопросов, в ней затрагиваемых, оставляя за собою право возвратиться к этим вопросам впоследствии. *Ред.*

The article touched upon the theme of perspectives of capitalism development in Siberia and caused interesting but brief dispute with the narodniks (Russian populists) that used the newspaper as their press media.

Keywords. «Eastern survey», L. B. Krasin, Marxists, Narodniki (Russian populists), the fate of capitalism of Siberia.

*Не плакать и не смеяться, а понимать*ⁱⁱⁱ

В № 105 «Восточного Обозрения» напечатано извлечение из лекции И. И. Попова «Восточная Сибирь на всероссийской выставке 1896 г., читанной им в Нижнем Новгороде и выдвигающей чрезвычайно интересный и важный вопрос о формах, какие примет в будущем экономическая жизнь нашей окраины.

Прекрасно сознавая неудобства обсуждения столь важных предметов на страницах небольшого провинциального органа, мы, тем не менее решаемся выступить с этой статьей, отчасти в виду громадного интереса темы, отчасти из желания осветить некоторые до сих пор, невидимому, совсем упущенные стороны дела и поставить его обсуждение на несколько иную почву. Вместе с тем мы хотели бы думать, что коренные разногласия наших взглядов с убеждениями редакции по данному предмету не осудят заранее на неуспех нашу попытку высказаться на страницах «Восточного обозрения»: разногласие мнений, при условии честности и искренности убеждений противников, не только не нежелательно, но напротив представляет собою одно из необходимейших условий всякого здорового развития, способствуя выяснению различных сторон одного и того же вопроса, не всегда заметных, если обсуждение ведется лишь с одной точки зрения.

«Перед Сибирью теперь два пути: один блестящий путь западно-европейского капитализма, другой — тернистая дорога развития существующих народных

форм жизни в более высшие. Недавно опубликованная Высочайше утвержденная реформа поземельного устройства в Сибири, выдвинувшая принцип государственной собственности на землю, при дружной работе правительства и общества, будет направлять, эволюцию народного хозяйства в сторону второго пути и спасет Сибирь от стремительного потока развития капиталистических форм» («Вос[точное] Обзор[ение]» 1896 г. № 105, стр. 3).

Вот мнение, высказанное при такой обстановке и с такой ясностью формулирований, которые обязывают нас отнести к нему с возможным вниманием. Оно уже вызвало некоторые замечания в сибирской прессе, и эти замечания успели подвергнуться возражениям с противоположной стороны, но нам кажется, что и тут и там вопрос трактуется не с надлежащей точки зрения. Во взглядах одной стороны сквозит, как будто, излишнее увлечение защитой частной предпринимательской деятельности, увлечение, доходящее подчас чуть ли не до реабилитации таких «рычагов культуры» как весы, аршин и проч., в то же время другая, в своих симпатиях к «народным формам жизни», заносится почти до полного закрывания глаз на современную сибирскую действительность. Преобладание субъективных симпатий и склонностей над трезвым исследованием реально существующих фактов, вот характерные черты мнений того и другого рода. В противоположность г[осподину] сибирскому хроникеру «В[осточного] О[бозрения]» (№ 107) мы не думаем, чтобы метод, приводящий к бессмыслице в области отвлеченных вопросов, был «вполне уместен» при исследовании конкретных вопросов сибирской действительности. Наука добывает свои истины при помощи единого метода, метода точного наблюдения и опыта, и на этой почве, а не на почве наших идеалов, влечений и вкусов должно вестись обсуждение судеб сибирской промышленности и капитализ-

ма. Хороший доктор при исследовании болезненных процессов в организме больного руководится тем, что он видит и слышит, а не своей любовью или антипатией к личности пациента; точно так же и при оценке жизненности того или иного экономического явления необходимо считаться прежде всего с тем, что есть, с действительным положением вещей, а не с симпатиями самого исследователя.

Наша задача состоит в том, чтобы основываясь на ряде положительных фактов, представляемых современной сибирской действительностью, выяснить насколько справедлива мысль об особенностях тех путей, которыми пойдет экономическая эволюция Сибири, насколько верны надежды на развитие здесь, «при дружной работе правительства и общества», «народных форм жизни».

Прежде чем перейти к основному вопросу, во избежание недоразумений скажем в двух словах, что подразумевается нами под словом «капитализм». В более тесном смысле слова, это такой способ производства, при котором орудия и средства труда принадлежат на правах частной собственности предпринимателю капиталисту и приводятся в действие наемными работниками. Так как в капиталистическом производстве все материальные условия производственного процесса принадлежат капиталисту, рабочий же участвует в нем лишь своей рабочей силой, за которую получает возмещение в виде заработной платы, то и продукт его труда становится собственностью предпринимателя. Но стоимость дневного продукта, произведенного работником, оказывается больше, чем сумма стоимостей дневной заработной платы и израсходованных материалов, и потому в руках предпринимателя остается излишек стоимости, прибавочная стоимость, представляющая собою истинный источник предпринимательской прибыли. Таков капитализм в своем чистом

виде, освобожденный от разных побочных явлений, затемняющих и видоизменяющих его основные черты. Но действительная жизнь в своем историческом развитии представляет много переходных форм, мы увидим ниже, что господство капитала может осуществляться и косвенными путями, помимо явного пользования трудом наемных рабочих в собственной мастерской предпринимателя. Таким образом, в более широком смысле, мы называем капитализмом вообще такой строй народного хозяйства, в котором существует целый ряд форм зависимости трудящихся масс населения от капитала, зависимости осуществляемой, поддерживаемой и воспроизводимой вновь, благодаря развитию менового хозяйства, денежного обращения и различных форм кредита и задолженности.

А теперь пора приступить к рассмотрению отдельных сторон современной экономической действительности и наметить, придерживаясь по возможности неоспоримых данных, вероятные пути дальнейшего их развития. Начнем с отрасли промышленности наиболее простой и ясной по тем отношениям, которые возникают внутри ее между участниками производственного процесса, с промышленности фабрично-заводской.

Фабрично-заводская промышленность Сибири, если рассматривать ее развитие по отношению к громадным пространствам и в связи с значительными природными богатствам края, оказывается слаборазвитою. Рост ее весь очевидно еще впереди, эксплуатация естественных богатств еще только что начинается. Но вместе с тем вся фабрично-заводская промышленность Сибири уже при самом начале своего развития оказывается капиталистическою. Средства производства уже отделены от производителя и составляют частную собственность капиталиста, соответственно этому происходит присвоение продукта, работник ра-

ботает за плату и во всех отношениях является наемным работником. Нетрудно подтвердить эти положения отдельными примерами.

Золотопромышленность Сибири, занимающая ныне в сложности до 40 тысяч рабочих и являющаяся одной из самых богатых отраслей, почти целиком находится в руках отдельных предпринимателей или крупных компаний, разрабатывающих прииски трудом наемных рабочих. О сколько-нибудь широком, имеющем практическое значение и заметном в ряду других экономических явлений, применении коллективистических принципов в золотопромышленности не слышно. Все наиболее богатые и наиболее прогрессирующие технически прииски ведутся капиталистами. Существование в золотопромышленности артелей старателей, на которые у нас любят ссылаться, ни на волос не изменяет дела; во-первых, эти артели капля в море и по значению (не для субъективного исследователя, для которого впереди всегда принципы и лишь потом уже действительность, а для самой золотопромышленности и тех 40 тыс. рабочих, что в ней заняты) их смешно было бы и сравнивать с приисками капиталистов; во-вторых, артели эти в большинстве случаев имеют дело с каким-нибудь крупным прииском, которому и сдают свое золото. Поэтому в них нельзя видеть принципа хозяйства, а лишь иную форму эксплуатации, подчас даже более удобную для капиталиста (не нужно заводить своего инвентаря, держать администрацию, отвечать за несчастные случаи и проч.).

То же самое надо сказать о других отраслях горного дела: всюду, где оно получило сколько-нибудь заметное развитие, оно ведется капиталистически, с применением наемного труда.

Все железодельное и чугунно-плавильное дело Сибири основывается также не на артельном, не на общинном труде, а на труде наемных работников.

Немногочисленные механические и машиностроительные заводы Сибири предприятия исключительно капиталистические, иногда с несколькими сотнями наемных рабочих (напр., завод Курбатова в Тюмени). Все более мелкие заведения этого рода с введением хотя бы самых необходимых машин и станков обязательно вводят вместе с ними и наемного рабочего.

Винокуренное производство Сибири не только сделалось капиталистическим, но успело даже пережить фазу картелирования, союза крупных предпринимателей, раньше чем, например, свеклосахарное производство Европейской России. Пивные, спичечные, стеклянные, фарфоровые, лесопильные заводы Сибири, ее крупчатые мельницы, все эти предприятия весьма различны по своим размерам и техническому совершенству, но имеющие одну общую черту в том, что все они явно капиталистические. Фабрично-заводская промышленность Сибири до поры до времени еще незначительна, но она целиком состоит из одних капиталистических предприятий.

В настоящую минуту Сибирь находится накануне крупных событий. Железная дорога, близящаяся окончанием, сразу придвинет наши захолустья к центрам культуры. Получение с запада машин, орудий, приборов, необходимых для разных отраслей промышленности, будет облегчено в десятки раз. По дешевому и удобному железному пути двинется к нам из Европ[ейской] России работник, прилагающий свою рабочую силу в Кубанских степях или на «Пшеничных фабриках» Новороссии. Это облегчение притока орудий труда и носителей самой рабочей силы в край, где железные руды, каменный уголь, огнеупорные глины, соль, колчеданы, нетронутые еще россыпи золота и пр. и пр. только ждут «людей», вызовет такой рост фабрично-заводского дела, такие его успехи, какие и не снятся нашим мудрецам.

Заселение удобных земель переселенцами, создавая внутренний рынок для новых фабрик, и продление железной дороги к Тихому океану, связывая Сибирь с внешними рынками Востока, дадут лишний импульс этому развитию.

Судите теперь, действительно ли «перед Сибирью теперь два пути». Судите теперь, избежит ли она «потопа развития капиталистических форм»! Вопрос, по крайней мере относительно фабрично-заводской промышленности, решается сам собою: конечно, не избежать, так как уже в современной фабрично-заводской промышленности Сибири нет иных форм, кроме капиталистических, в будущем же все обещает им еще большее развитие.

Переходим к кустарным производствам и промыслам. Здесь необходимо прежде всего точно установить понятия, ибо благодаря усилиям некоторых русских исследователей они невероятно запутались. Кустарную промышленность постоянно путают у нас с домашнею формой капиталистического производства и еще чаще эту последнюю выдают за кустарную.

Кустарь работает для рынка, но он остается еще самостоятельным производителем и продает излишек своего продукта; притом рынок его бывает обыкновенно невелик, спрос всегда поддается определению, и даже полное его прекращение не несет за собою особенно губительных последствий, отчасти вследствие своей постепенности, дающей возможность исподволь перейти к какому-нибудь другому подспорному промыслу, отчасти же в силу того, что центр тяжести хозяйства еще не перенесен всецело на ремесло, а прикреплен к земле. Но вот возрастающее неплодородие почвы или выгодность данного промысла или чрезвычайное падение цены на хлеб, делающее невыгодным занятие хлебопашеством, или какие-нибудь другие причины, вроде необходимости сдать в аренду свою землю, побуждают кустаря все крепче и крепче хвататься за

свой промысел. Из побочного этот последний делается его главным занятием, он достигает в нем возможной степени технического умения и искусства. Рынок и спрос растут, товар идет ходко — кустарь достигает наивысшей возможной ступени благополучия. Но эта же самая выгодность дела, это возрастание сбыта, вскоре получают для него роковое значение. Разросшийся рынок уже не поддается более обзору и контролю производителя; производство и продажа продукта отделяются друг от друга не только во времени, но и в пространстве; кустарный продукт с развитием путей сообщения увозится для продажи потребителю за сотни и тысячи верст от самого кустаря, иногда за границу. Сама продажа становится делом третьего лица, торговца, скупающего изделия у кустарей на свой страх и риск: потребитель отделяется от производителя. Новый порядок несет с собою для кустаря целый рой неприятных неожиданностей. Из окон своей лачуги он уже не видит рынка, не может знать, сколько и какого сорта товара хочет от него рынок. Еще менее может он знать, какое количество тех же изделий будет изготовлено одновременно с ним другими кустарями. В этом отношении он теперь как в потемках, и только размеры цены, по которой скупает у него изделия торговец, позволяют ему составить отдаленное, часто неверное, представление о величине и качествах спроса. Роль посредника торговца делается все более значительною, а невозможность правильно рассчитать количество товара, могущее найти сбыт на рынке, конкуренция других кустарей, заваливающих рынок теми же изделиями, неимение средств, которые позволяли бы выжидать благоприятной конъюнктуры, наконец, целый ряд неизбежных случайностей, вроде внезапного прекращения сбыта, вздорожания сырья или съестных припасов, болезней и пр. и пр., все это в конце концов делает из прежнего независимого производителя вечного должника торговца или своего же разжившегося

собрата, «фабрикантика». Раз задолжав, он все далее и далее катится по этой наклонной плоскости. Уже и сырье начинает брать он от скупщика, уже и орудия труда получает от него в ссуду. Стоит продлиться этому процессу известное время, и экономическая самостоятельность кустаря исчезает бесследно; сохраняя внешнюю видимость самостоятельности, работая в собственном помещении, в сущности он работает уже не на себя, а на капиталиста.

Так кустарная промышленность превращается в домашнюю форму капиталистического производства, эту худшую форму капитализма, не обладающую ни одной из его положительных сторон, соединяющую в себе все его недостатки, с недостатками старого способа производства.

Если ко всему описанному, на беду кустаря, присоединится еще конкуренция со стороны машинного производства, которое производит те же изделия в десятки раз дешевле и лучше, его положение становится поистине трагическим. И мы имеем уже эту трагедию нарисованную гениальной кистью: это «Ткачи» Гауптмана^{iv}.

Развитие железных дорог и водяных путей сообщения, возникновение банков и иных форм кредита, преуспевание фабричной системы, основанной на машинном производстве и технологическом приложении науки, рост государственных долгов и расходов и связанное с ним увеличение платежей и много других более мелких причин того же порядка либо полностью истребили кустарное производство крестьян Европейской России, либо заменили его домашнюю форму капитализма. У нас уже нет теперь кустарной хлопчатобумажной прядильной и ткацкой промышленности: перейдя сначала в «домашнюю форму», она была затем совершенно убита машинным прядением и ткачеством. Но у нас нет теперь также и кустарей, выделяющих шелковые ткани, ножевой и скобяной

товар, замки, самовары и пр. Ибо современные владимирские, павловские, тульские «кустари» зовутся так лишь по недоразумению. В действительности это рабочие домашней промышленности, работающие на фабрикантов и скупщиков, вообще на капиталистов.

В Сибири процесс исчезновения кустарных промыслов, вследствие меньшего распространения их и плохого развития путей сообщения, не так сильно бросается в глаза. Однако и здесь он не настолько слаб, чтобы мы в праве были предаваться оптимистическим иллюзиям на счет грядущего процветания «народных форм» производства.

Крестьянские промыслы Сибири группируются главным образом в трех районах, одном, тяготеющем к Тюмени, и двух других, центрами которых являются Томск и Иркутск. В первом из них наибольшим распространением пользуются производства кожаное, выделка мехов и овчины, шерстобитное, канатное, ковровое, шитье рукавиц и бродней, тележное, рогожное, наконец, курение смолы и дегтя и приготовление разных поделок из дерева, начиная посудой и сундуками и кончая мебелью. Промыслы томского и иркутского районов не отличаются большим разнообразием: жизненный нерв их — это удовлетворение потребностей притрактового движения; крестьяне изготовляют дровни, телеги, оси, колеса, дуги, мошальные изделия и пр.

В экономическом отношении только что перечисленные промыслы имеют неодинаковую степень важности и находятся в разных фазах развития: те из них, которые требуют более совершенных технических приемов и обладают широким сбытом, уже перестали быть кустарными и перешли в стадию домашнего производства, другие еще сохраняют в большей или меньшей степени свой первобытный характер — скорняки, кожевники, рукавичники, овчинники Тюменского и Ялуторовского округов состоят в самой недвус-

мысленной зависимости от скупщиков-торговцев и от нескольких крупных фирм, принимающих от них их изделия по назначенным ценам. В самой Тюмени не редкость видеть на улицах пары таких «кустарей» когда они, положив каждый на плечи по концу длинной жерди, сплошь увешанной кожаными рукавицами или броднями, спешно несут свой товар на приемку в амбары торговца. Вглядитесь в их озабоченные лица, не поленитесь пойти за ними и посмотреть на самую сцену приемки, на этого по виду безучастного лавочника, старающегося показать, что ему нет нужды в их товаре, на то, как они почтительно доказывают ему всю ничтожность предлагаемой цены, ссылаясь на трудность работы, тяжелые времена и нужду в деньгах, посмотрите все это и вы поймете, что от идиллии «народных форм жизни» здесь не осталось и следа: кустарного промысла нет, есть лишь домашняя промышленность. То же самое приходится сказать о ковровом производстве того же района: и оно в значительной доле уже в руках скупщиков. Чтобы купить тюменский ковер у производителя, вам надо самому ехать за ним на место выделки, так как на базаре и в лавках вы купите его уже из рук перепродавцов, которые скупают по ярмаркам и по отдельным дворам все вытканые ковры. И здесь «народная форма» производства исчезла, и «кустарь» работает на скупщика.

В других производствах также можно подметить стремление к подобной перемене: вообще говоря оно возникает немедленно, как только промысел специализируется, а продукт его получит широкий сбыт. Простые и бедные промыслы дольше сохраняются в кустарной стадии, требующие более сложных приемов и прибыльные скорее переходят в домашнюю форму капиталистической промышленности. Какова же в будущем судьба крестьянских промыслов сибирского населения, в будущем, которое принесет с собою развитие средств сообщения и перевозки,

кредита и банков, в будущем, которое сильно расширит сбыт некоторых изделий, а другие подвергнет конкуренции однородных изделий фабричного производства? Если современная экономическая наука вообще достигла каких-нибудь неоспоримых результатов, если ее выводы могут претендовать на обязательность, то в нас не может быть колебаний при ответе на тот вопрос. Некоторые отрасли кустарного производства исчезнут совсем с лица земли, вытесняемые конкуренцией крупной фабричной промышленности, как исчезли они даже и там, где благосостояние населения и его ремесленная подготовка стояли много выше, чем у наших крестьян. Таковы производства сукон или холста. Другая категория, с проведением железной дороги, ускоренным шагом пойдет к превращению в домашнюю форму капиталистического производства. Но лишь незначительная часть промыслов, со сбытом столь ограниченным, что фабриканту и скупщику нет никакого расчета за них братья, останется кое-где по медвежьим углам незатронутою разрушительным влиянием новых факторов экономической жизни. Прибавим к этому, что все промыслы, связанные с извозом (а такова большая часть промыслов томского и иркутского районов) с открытием железной дороги сократятся в несколько раз. Вот наиболее вероятные судьбы той половины сибирской кустарной промышленности, которая по сей день не успела еще перейти в домашнюю форму.

Ремесленные заведения Сибири, разбросанные по ее городам, отличаются лишь в количественном отношении, но никак не своею экономическою структурой. В Сибири, как и в Европейской России, почти ни один ремесленник не обходится без пользования чужим трудом, в форме ли найма рабочих, или держания подмастерьев и учеников. Кроме того, так называемые самостоятельные ремесленники лишь наполовину работают на потребителя, большая же часть их

получает работу от магазинов или крупных заведений. Домашняя, раздаточная (Verlagssystem) система свила себе гнездо и в городе. О более крупных мастерских, конечно, и говорить нечего: зайдите в любую из них, в любом из наших губернских городов, и вы всюду увидите наемных, работающих за плату рабочих.

Постройки, сколько-нибудь значительные, ведутся в Сибири всегда или арестантским трудом или подрядным способом, т.е. капиталистически. Строительное дело, правда пока развито еще слабо, но его расширение поведет за собою расширение все той же капиталистической, основанной на наемном труде, формы производства. Что касается в частности постройки железной дороги, то ее роль в деле развития капитализма уже и теперь весьма велика. Большинство работ ведется через подрядчика трудом наемных рабочих, да и «хозяйственные работы» в этом отношении ничем не отличаются от подрядных. Таким образом, одновременно с ростом земляной насыпи, мостов, путевых и станционных зданий растет и сумма прибавочной стоимости, сосредоточивающейся в руках контрагентов, подрядчиков и рядчиков всякого рода, а самая постройка дороги оказывается одним из могучих рычагов «первоначального накопления» капитала в Сибири.

Мы начали наш обзор с крупных и дорогих предприятий фабрично-заводской промышленности и спустились до избы кустаря крестьянина и всюду мы находили капитализм, если не в форме открытого пользования трудом наемных рабочих в собственных мастерских капиталиста, то в форме домашней промышленности, в форме раздачи работы на дом работнику, сохранившему только призрак самостоятельности или, наконец, в форме постоянной, сделавшейся правилом, зависимости его от перекупщика торговца. Капитализм, как оказывается, уже и теперь сделался атмосферой, в которой совершается все движение си-

бирской промышленности. Он пропитывает весь наш экономический организм, и в будущем все сулит ему еще более широкое развитие.

Теперь перейдем к сибирскому земледелию и постараемся выяснить его социально-экономический характер в настоящем и вероятную эволюцию в ближайшем будущем.

Земледелие и другие тесно связанные с ним отрасли сельского хозяйства составляли и составляют до настоящего времени главнейшее занятие громадного большинства сибирских крестьян. Уместен поэтому вопрос: не здесь ли следует искать тех «самобытных» экономических форм, которые, по мнению некоторых, выгодно отличают наше отечество от передовых стран Запада? Может быть, именно эта область народного труда свободна от власти капитала; может быть, именно здесь трудящиеся массы свободно пользуются всеми продуктами своего труда; может быть, именно здесь нет ничего похожего на их эксплуатацию с целью наживы и обогащения более состоятельных лиц и групп? Посмотрим.

Прежде всего приходится выяснить: что, собственно, представляют собою так наз[ываемые] «народные формы производства», противопоставляемые хозяйству капиталистическому, и каковы их отличительные черты. К сожалению, никто из сторонников «народного производства» до сих пор, не дал строго выдержанного и достаточно ясного определения этого термина, и в большинстве случаев за ним скрывается весьма расплывчатое и изменчивое содержание. Даже наиболее последовательные писатели пользуются им без должной осмотрительности, то обозначая этим названием ныне уже почти вымершие организации, вроде «задруги» балканских славян, или «печища» и «большой нераздельной семьи» великороссов, то употребляя его в качестве синонима натурального хозяйства, т. е. такого экономического строя, при котором

главную роль играет производство для собственных нужд, а не для продажи.

С этими двумя определениями, как наиболее употребительными и последовательными, мы и будем считаться в дальнейшем изложении.

Какого бы взгляда не держаться на степень распространности у земледельческих народов в их далеком прошлом общественных способов ведения хозяйства, необходимо признать, что у сибирского крестьянства эта форма труда никогда не была не только господствующей, но даже просто обыкновенной. Причин этого обстоятельства надо искать в истории заселения нашего далекого и сурового края. Крестьянин приходил сюда в эпоху, когда архаические формы землепользования в значительной степени вымерли уже в Евр[опейской] России, уступив место хозяйству подворному; он не приносил с собою ни умения, ни охоты вести все или хотя бы только большую часть хозяйственных операций сообща, соединенными усилиями многих отдельных семей и дворов. Возможные единичные и разрозненные случаи сотрудничества при расчистке лесов, проложении дорог и проч[ие] нисколько не подрывают этого утверждения: в случаях чрезвычайной нужды взаимопомощь не редка даже и там, где общинные и артельные принципы не имеют никакой силы. Важны не эти так сказать единовременные затраты общественного труда, а повседневный, будничный распорядок экономической жизни, которого отличительная черта здесь состояла в ведении хозяйства каждым двором на особицу от других. Поэтому не коллективная группа, а отдельный крестьянский двор — вот та экономическая ячейка, которую мы встречаем на пороге сибирского земледелия. Дальнейший ход вещей, как это нетрудно было бы доказать детальнее, мог только усилить его частно-подворный характер. Во всяком случае, каковы бы ни были в Сибири формы владения землею, пользование ею теперь повсюду есть

дело отдельных крестьянских дворов, ведущих хозяйство за свой страх и риск и присваивающих сельскохозяйственный продукт, в свою частную собственность, безразлично будет ли сама земля в «захватной», «вольной» или так наз[ываемой] «общинной» (с переделами) форме владения. При столь печальном с точки зрения «народного производства» положении вещей сладкая уверенность в его грядущем процветании может быть куплена лишь ценою намеренного или ненамеренного, но во всяком случае полного непонимания разницы между общинным землепользованием (форма производства) и общинным землевладением (форма собственности). Общинного землепользования в крупном масштабе в Сибири никогда не было и нет в данный момент. Общинное же землевладение, отлично уживающееся с частной собственностью, как на продукты сельскохозяйственного труда, так и на средства и орудия производства (рабочий скот, мертвый инвентарь всякого рода и пр.), в Сибири существует и даже возникает кое-где на смену заимочной и вольной системы, но не как продукт сознания общности интересов, а как результат земельного «утеснения» и борьбы частных интересов. И если эта борьба оканчивается переделом, выравнивающим отдельные участки частных домохозяев (заметьте: частных домохозяев), то лишь благодаря тому, что экономические силы борющихся приблизительно равны.

Подворное пользование землею само по себе еще не исключает натурального хозяйства, т.е. производства не для обмена, а для удовлетворения собственных нужд и потребностей производителя и его семьи. При натуральном хозяйстве положение крестьян отличается, вообще говоря, значительной долей устойчивости, в некоторых же случаях, хотя и не столь частых, как полагают люди, идеализирующие этот строй, оно может граничить с тем благосостоянием, какое дается полным удовлетворением простых и бесхитростных

потребностей малокультурной крестьянской семьи. Вот эта-то самая возможность, иногда вероятность, относительного благосостояния крестьянства и устойчивость его хозяйства, выгодно отличающая натуральное хозяйство от менового, и заставляет многих превозносить эту форму производства как «народную», и ждать от нее врачевания чуть ли не всех бед и напастей. Но уже не говоря о низком уровне производительности труда, присущем натуральному хозяйству, и о его других последствиях и спутниках (вроде крепостного права), само оно не вечно и при известных условиях постепенно уступает место производству на продажу, хозяйству товарному, меновому. Среди этих условий первое место занимает рост производительности труда внутри самодовлеющего экономического целого, создающий все большие избытки какого-нибудь продукта, не находящего употребления внутри хозяйства и подлежащего продаже и сбыту вне его. Подобное же влияние оказывает улучшение путей сообщения, облегчая сношения с удаленными рынками; и передвижение земледельческих продуктов, далее — развитие обрабатывающей и особенно фабричной и заводской промышленности в соседних районах, с одной стороны увеличивающее спрос на сельскохозяйственные продукты, с другой — вводящее в потребление крестьянства предметы, для приобретения которых необходима предварительная продажа его собственных изделий и продуктов. Громадная роль в процессе замены натурального хозяйства меновым принадлежит наконец и государству, которое вынуждено всю или большую часть своих налогов взимать в виде денег. Это обстоятельство приводит к тому, что если при известных условиях (низком уровне своих потребностей) крестьянин и может жить, ничего не покупая, то продавать он во всяком случае должен уже из-за одной необходимости платить налоги. Замена натурального хозяйства меновым на известной ступени националь-

ного развития делается таким образом у каждого культурного народа исторической необходимостью.

В какие конкретные формы выливаются в Сибири только что рассмотренные процессы, это мы покажем в нашей заключительной статье.

В Сибири крушение земледельческого натурального хозяйства и превращение его в товарное, помимо влияния оказываемого взиманием всех государственных налогов и платежей деньгами, многим обязано развитию золотопромышленности и других промыслов (напр., винокурения), в позднейшее же время также и улучшению средств перевозки: так, развитие парохозяйства по р[екам] Зап[адной] Сибири и постройка Екатеринбург-Тюменской жел[езной] дор[оги] сильно подняли вывоз хлеба из Алтайского округа, степного генерал-губернаторства и хлебородных округов Тобольской губ[ернии]. Насколько здесь подвинулось вперед превращение натурального земледельческого хозяйства в товарное, доказывает тот факт, что уже в самом начале 90-х годов, по сведениям департамента торговли и мануфактур¹, около 40 проц. всего сбора хлебов производились сибирским крестьянством не для собственного потребления, а на продажу. По отдельным местностям процент этот еще выше; в Алтайском горном округе, Минусинском округе и юго-западных округах Тобольской губ[ернии] по тем же сведениям количество продаваемого населением хлеба доходит до 50 проц. ежегодного сбора зерновых хлебов. Таким образом даже теперь, до окончания постройки Сиб[ирской] жел[езной] дор[оги] в местностях с наиболее развитым земледелием половина всего хлеба должна быть вынесена на рынок и продана. Окончание постройки железнодорожного пути через всю Сибирь, а также весьма вероятное установление правильных сношений с рынка-

¹ Сибирь и Великая Сиб[ирская] жел[езная] дор[ога]. [СПб., 1893]. С. 100.

ми Англии через Ледовитый океан должны оказать громадное влияние в смысле усиления уже и теперь несомненно товарного характера сибирского земледелия. В этом отношении роль железных дорог до сих пор менее всего возбуждала сомнения и никто иной, как сторонники «народного производства» потратили немало трудов чтобы доказать, что железные дороги превращают продукт народного труда в товар и содействуют отделению производителя от средств производства. Тем более странно и удивительно накануне окончания постройки величайшей железной дороги в мире слышать, что страна, на которой пройдет эта дорога, избежит тех экономических последствий, которыми всюду сопровождалось введение парового транспорта. Во всей Зап[адной] Европе, в Северо-Американских Штатах, в Южной Америке, в Европ[ейской] России, в Индии, словом, решительно везде, где только она производилась, постройка железных дорог необычайно усиливала рост товарного производства и его высшей формы – капиталистического производства, а нас хотят уверить, что в Сибири, где уже и теперь 40 проц. всего хлеба производится для продажи, это почему-то будет иначе, и она «избежит стремительного потопа развития капиталистических форм».

Рассмотрим теперь последствия, с которыми связан для массы крестьянства переход к товарному хозяйству. Каждый крестьянин, в противоположность с тем, что было при господстве натурального хозяйства, должен теперь во что бы то ни стало продавать определенную долю своею продукта, иначе ему нечем заплатить подати, не на что приобрести себе предметы необходимые в хозяйстве (напр., железные изделия) или в домашнем обиходе (посуда, обувь, одежда, соль и проч.).

Вовлечение крестьянства в сферу обмена сказывается прежде всего тем, что цена хлеба, определявшая-

ся ранее местными условиями, т. е. тем количеством труда, которое затрачивалось для его производства в данном районе, начинает все более и более приближаться к ценам крупных рынков хлеба или даже к цене международного хлебного рынка. Но эти цены определяются уже более общими условиями, именно той средней затратой труда, которая необходима для производства, определенного количества хлеба не в данной местности, а во всех тех странах, которые поставляют хлеб на эти рынки. А так как наш крестьянин ведет свое хозяйство более примитивными в несовершенными способами и тратит на весовую или объемную единицу зерна большее количество рабочего времени, чем его конкуренты, то и изменение цены складывается не в его пользу и некоторая доля его рабочего дня оказывается обесцененной как непродуцируемая с точки зрения других, более прогрессивных в экономическом отношении стран и местностей. Таким образом населению только что оставившему область натурального хозяйства уже с первых же шагов приходится как бы платить своего рода налог, налог на свою некультурность, обусловливаемый низкой степенью производительности народного труда. При существующем прогрессивном падении цены на хлеб на мировом рынке это обстоятельство уже и теперь сильно сказывается на западно-сибирском земледелии; с окончанием постройки жел[езной] дор[оги] цены упадут и в Вост[очной] Сибири, и выгодная продажа хлеба станет изо дня в день всецело все более и более мудреной. Прежняя устойчивость крестьянского хозяйства теперь оказывается нарушенной: крестьянин, чтобы продать невыгодный свой хлеб, должен выжидать цены, должен спекулировать и ловить наиболее благоприятный для продажи момент; в качестве товаропроизводителя, он ежеминутно подвергается опасности перепроизводства, избытка предложения над спросом, и этот избыток помимо общих

причин воспроизводится в нашей деревне периодически после каждой жатвы, когда большинство крестьян готовы сбить хлеб за полцены, лишь бы достать денег на уплату податей. На почве всех этих столько же неизбежных, сколько и непредвиденных явлений, при- сущих товарному производству, вырастает целая система долговой зависимости и деревенского кредита, который делается отныне необходимостью для большинства крестьянства. Масса деревенского населения с дальнейшим существованием товарного производства раскалывается на две половины: число крестьян средней зажиточности в силу непригодности к условиям товарного производства постепенно уменьшается, уступая место, с одной стороны, беднеющему и экономически зависимому большинству, с другой — меньшинству, состоящему из «хозяйственных мужиков», которые пользуются теми же самыми обстоятельствами для своего обогащения в эксплуатации своих односельчан. Обладания землею, при наличности товарного производства, самого по себе еще недостаточно, чтобы спасти экономическую самостоятельность массы крестьянства; растущая зависимость от рынка, нужда в деньгах, низкий уровень производительности труда, неурожай — все это всей тяжестью ложится на земледельца и заставляет его продавать часть своего рабочего скота или заключать ряд займов с обязательством уплаты громадных процентов или с отработкой за полученную ссуду. Внутри самой деревни возникает жестокое противоречие частных интересов; экономически сильный получает возможность прямо или косвенно пользоваться трудом слабого, в форме ли найма или посредством кредита и скупки хлеба и скота за низкую цену. Товарное хозяйство, будучи денежным хозяйством, неудержимо стремится сделаться хозяйством капиталистическим. И оно делается таковым в земледелии раньше, чем вся земледельческая промышленность перейдет к исключительному приме-

нению батраческого труда. Появление и укрепление капитализма в сибирской деревне пока не оказывает заметного влияния на форму производства: капитал, не концентрирует здесь земледельческое хозяйство в руках крупных владельцев, не вводит машин и совершенных способов обработки полей, не сосредоточивает массы рабочих в имениях земледельца. Но отсюда еще рано заключать о незначительности его роли и тем более об отсутствии капитализма в наших селах. Думающие так, должны были бы сперва доказать, что в Сибири нет кулачества и задолженности масс населения; что покупка хлеба по деревням не сделалась функцией скупщиков и торговцев разного калибра; что батрачество, уход на сторонние заработки, распродажа необходимейшего скота, «отработки» под ссуду не фигурируют в качестве постоянных, добавочных ресурсов крестьянина. Оставление большинства земель Сибири за государством ничего не меняет в общем фоне картины: во-первых, оно не уничтожает (и не имеет в виду этого сделать) товарного производства и его необходимых последствий; во-вторых, одной земли, как уже сказано, при товарном хозяйстве еще недостаточно для того, чтобы создать или поддерживать благосостояние крестьянских масс.

Итак, сибирское земледелие уже и теперь не имеет ничего общего с первобытным строем; уже и теперь оно характеризуется весьма значительным развитием товарного производства; окончание постройки железной дороги, улучшение других путей сообщения, развитие промышленности, все это в будущем только ускорит крушение натурального хозяйства и усилит его неизбежные результаты. «Народные формы экономической жизни» в Сибири вымерли или же находятся накануне вымирания, и никакие субъективные заклинания не в состоянии их воскресить!

Недостаток места вынуждает нас лишь бегло коснуться промыслов, считающихся обыкновенно глав-

ным занятием сибирских инородцев: охоты на пушного зверя и рыболовства. В этом отношении интересно прежде всего отметить, что на Дальнем Востоке вся добыча пушного зверя, а также китобойный и котиковый промыслы находятся всецело в руках крупных капиталистов или акционерных компаний. Что же касается добычи зверя и рыбной ловли у инородцев Сибири, то необходимо признать, что, быть может, нигде во всей России первобытные формы труда не сохранились с такою полнотою, как именно здесь, в особенности в глухих, не затронутых культурою местностях. Но остатки родовых организаций и первобытного строя не спасают инородцев от влияния капитала: если добыча пушнины и дележ добытого совершаются согласно обычаям родового быта, то при продаже своих мехов инородцу приходится познакомиться с совершенно иными порядками, потому что в Сибири торговля мехами в своей значительнейшей доле есть дело опять-таки крупных торговых фирм. И когда при нас обсуждают вопрос о судьбе сибирских инородцев, в нас невольно возникает сомнение: если нации, подарившие миру Оуэнов, Декартов, Линкольнов, не могли разрешить его в соответствии с принципами гуманности и справедливости, то сможет ли бедная, темная и полуневежественная страна сделать это иначе? Сможет ли Сибирь найти ту пограничную черту, на которой соприкосновение «цивилизации» с первобытными формами культуры не сопровождалось бы полным крушением этих последних? До сих пор ею этого не сделано, и кабака, водка и сифилис являются чуть ли не единственными дарами, которые несет инородцу «цивилизация».

На этом мы можем закончить наш обзор современного экономического строя Сибири и повторить в сжатом виде те выводы, к которым он нас приводит:

1) Фабрично-заводская промышленность Сибири, состоящая уже и теперь из одних капиталистических

предприятий, в будущем не может получить иного движения, как то, какое указывается законами развития капитализма.

2) Ремесла и кустарные промыслы Сибири, уже перешедшие местами в домашнюю форму капиталистического производства, в будущем отчасти dokonчат это превращение, отчасти же вовсе исчезнут под влиянием конкуренции со стороны фабричного производства, сохранившись лишь во второстепенных отраслях промышленности.

3) Земледелие Сибири, успевшее сделаться товарным и не имеющее никакого сходства с первобытными формами производства, носит на себе явную печать власти капитала, и судьбы его в будущем определяются законами развития товарного производства.

4) Хозяйственная жизнь инородцев, несмотря на распространенность у них первобытных экономических форм, находится под влиянием капитала, и у нас нет оснований верить в ослабление этого влияния в будущем.

5) Железная дорога, с окончанием ее постройки через всю Сибирь, и улучшение других путей сообщения дадут могущественный толчок развитию экономической жизни края, и каждый шаг этого развития будет новым успехом товарного и капиталистического производства.

К этим пяти выводам, вытекающим из предыдущего изложения, следует прибавить шестой, вряд ли нуждающийся в особом доказательстве.

6) Торговля Сибири, проникающая со своими товарами и агентами во все уголки края, заносит и укрепляет в них господство капитала, могущественно содействуя разложению устоев натурального хозяйства.

Перепутья, на котором будто бы стоит теперь Сибирь, в действительности не существует, ибо первобытный грех товарного производства и народившегося земледельческого капитализма уже тяготеет над

сибирским крестьянством, и никакие заклинания не спасут его от неумолимых последствий внутренней логики развивающихся экономических отношений. Товарное производство и капитализм торжествуют в Сибири по всей линии, и в ближайшем будущем нет никаких реальных сил, которые могли бы задержать это торжество.

Не с легкомысленной радостью или запоздалым и бесполезным сожалением встречаем мы этот, по нашему мнению, несомненный факт сибирской действительности, а с твердым убеждением, что неизбежная последовательность самой экономической эволюции, наряду с жизненным опытом и наукой Западной Европы, той самой Европы, от которой в значительной степени берет начало и наш капитализм, поможет разрешить в конце концов все затруднения и задачи, возникающие одновременно с появлением этой формы народного хозяйства.

Иркутск, 14 сентября [18]96 г.

Примечания

ⁱ Бельтов — псевдоним Георгия Валентиновича Плеханова (1856–1918), одного из первых теоретиков и пропагандистов русского марксизма.

ⁱⁱ Струве Петр Бернгардович (1870–1944) — экономист, видный представитель «легального марксизма». В 1894 г. опубликовал книгу «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», которая положила начало борьбе русского марксизма с народничеством и стала «символом веры» отечественных социал-демократов.

ⁱⁱⁱ Не плакать и не смеяться, а понимать — «не плакать, не смеяться, не ненавидеть, а понимать» (с лат. *non indignari, non admirari, sed intelligere*), выражение из «Политического трактата» нидерландского философа Бенедикта (Баруха) Спинозы (1632–1677), определявшее назначение философии.

^{iv} Гауптман Герхарт Иоганн Роберт (1862–1946) — немецкий драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1912 год. Вершиной драматургического творчества Гауптмана считается драматическая поэма «Ткачи» (1892), в которой он, изобразив экономическое положение силезских рабочих,

выступил как художник-новатор, впервые запечатлевший в немецкой и европейской драме важнейшие социальные конфликты эпохи.

Публ. и прим. Д. Я. Майдачевского

Библиографическое описание статьи

Красин Л. Б. Судьбы капитализма в Сибири / Л. Б. Красин ; публ. и прим. Д. Я. Майдачевского // Историко-экономические исследования. — 2016. — Т. 17, № 3. — С. 551-577. — DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(3).551-577.

Reference to article

Krasin L. B. The fate of capitalism in Siberia. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2016, vol. 17, no. 3, pp. 551-577. DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(3).551-577. (In Russian).